

Отсюда не только хронологические сдвиги, но и явно преувеличенные слухи о распутстве короля, королевы и их приближенных, продажности, пьянстве и т. д. Вместе с тем в этом цикле видны все те противоречия, которые раздирали Польшу, проставлены все акценты, подробно описано настроение в армии и т. д. И самое главное, стихотворный цикл давал ответ на вопрос: кто есть кто? Для той дипломатической деятельности, которой занимался Тяпкин, именно такая сиюминутная информация и была необходима.

Памфлет «на потребу дня» иногда освещает те явления, которые не могли попасть в официальный отчет, да и появляется он зачастую быстрее. Русские дипломаты читали и то и другое, читали придирчиво и со знанием дела, что видно по «реальному», а иногда и «филологическому» комментарию к переводу (см. Приложение).

Посольский приказ на протяжении всего XVII в. был литературным центром;⁵⁸ подвизались в нем и поэты, например Алексей Романчуков, который занимался литературным творчеством как частный человек,⁵⁹ к тому же кругу относится и самозванец Тимофей Акундинов. Но эта школа исчезла после никоновской реформы, и хотя традиция была жива, к приказной школе 30—40-х гг. нельзя возводить переводы, сделанные в 70-х. Прежде всего переводчики этого времени — в основном ипоземцы на русской службе, хотя среди них есть и русские, в том числе и поэты (Л. Т. Голосов). Так, в 70—80-х гг. в Посольском приказе польский язык знали Семен Лаврецкий, Григорий Кульчицкий, Иван Гуданский, Гаврила Дорофеев, Иван Васютинский (в 1677 г. они перевели «Великое Зерцало»), Стахей Гадзаловский (в 1685 г. перевел «Гиппику»), Степан Чижинский (в 1691 г. перевел «Выдание о добронравии» Яна Жабчица), Петр Долгово и Иван Тяжкогорский. Латинский язык знали Леонтей Гросс, Юрий Гибнер (Hübner) и Николай Сфафарий. Напомним, что в эти годы в Посольском приказе было в среднем около 20 переводчиков, в том числе с польского — 3 или 4.⁶⁰

Пока нет возможности указать, именно какие стихотворения перевел, поскольку все они рассматривались как документы («вести» или «авизы») и читались наряду с дипломатической перепиской, сеймовыми конституциями, универсалами, политическими сочинениями. Потому неизбежен и тот комментарий, которым они снабжены. Впрочем, иногда он носит чисто индивидуальный, «читательский» характер, что очень важно.

Кроме несомненной для русской поэзии жанровой новизны отметим другую особенность посольских переводов — поэтику барочной поэзии. Характерна жалоба Тяпкина, что ему трудно достать верные сведения, поскольку «много составных проектов рассеивают каждый по своему желанию чрез обычные свои вертолвные копце пты».⁶¹ Эта фраза поистине замечательна, ибо она свидетельствует о знакомстве Тяпкина, хотя бы практическом, с теорией концептизма. Тяпкин был человеком образованным, знал польский и латынь, а сын его, который и учился в Польше, однажды произнес столь искусную речь по-латыни, что Ян Собеский наградил его сотнею золотых червонных и

⁵⁸ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

⁵⁹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 35—42.

⁶⁰ См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 136—138.

⁶¹ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 518.